

© 1991 г.

Л. М. Левина, А. Б. Никитин

ОБ ОДНОЙ ГРУППЕ ИРАНСКИХ РЕЗНЫХ КАМНЕЙ ИЗ ВОСТОЧНОГО ПРИАРАЛЬЯ

В Восточном Приаралье, в бассейне самых северных из древних русел Сырдарьи — Пракувандарьи и Кувандарьи расположены памятники джетыасарской культуры, открытые и исследованные С. П. Толстовым и сотрудниками Хорезмской экспедиции Института этнографии АН СССР¹. К настоящему времени известно около полусотни мощных многослойных городищ и десятки тысяч курганных погребений.

Район, где находятся памятники этой весьма своеобразной и архаической по своему внешнему облику культуры, являлся важным перекрестком исторических путей передвижения скотоводческих племен и народов, зоной постоянных культурных, этнических и торговых контактов между скотоводческими племенами и земледельцами среднеазиатских оазисов и в то же время — местом традиционных зимовок.

Огромные городища с монументальной архитектурой и сложной фортификацией всегда располагались непосредственно на берегах рек и речных протоков. Вокруг каждого городища находились некрополи, насчитывавшие десятки тысяч курганных погребений. Период бытования джетыасарских памятников в настоящее время определяется от середины I тыс. до н. э.² Судя по имеющимся материалам, целые группы джетыасарских городищ прекратили свое существование в конце III—IV вв. н. э., а весь оазис перестал функционировать в VIII в. н. э. При этом хронологически разные группы памятников тяготели к различным руслам. И хотя часть крепостей погибла в огне военных столкновений, большинство городищ перестало бытовать одновременно с прекращением стока воды в руслах. Аналогичная ситуация (естественно, в иных масштабах)

¹ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 125—140; *он же*. По древним руслам Окса и Яксарта. М., 1962. С. 188 сл.; подробно историографию вопроса см.: Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. // ТХЭ. Т. VII. М., 1971. С. 8—10, 12—69, 225—242; Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969. С. 202—205; Левина Л. М. Работы в Джетыасарском урочище // АО. 1973. М., 1974. С. 471—472; *она же*. Новые исследования памятников джетыасарской культуры в Восточном Приаралье // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л., 1975. С. 42—46; *она же*. Среднеазиатские связи джетыасарской культуры в первом тысячелетии н. э. // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 170—176; *она же*. Исследования в Джетыасарском урочище // АО. 1980. М., 1981. С. 438 сл., Андрианов Б. В., Левина Л. М. Некоторые вопросы исторической этнографии Восточного Приаралья в первом тысячелетии н. э. // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 94—100; Левина Л. М. Работы в Джетыасарском урочище // АО. 1983. М., 1985. С. 513 сл.; *она же*. Джетыасарская культура низовой Сырдарьи — контакт скотоводческих и земледельческих культур Средней Азии и Казахстана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1987. С. 179—181.

² Хотя по некоторым данным нижние слои части джетыасарских городищ могут предварительно датироваться с конца эпохи бронзы — начала железного века.

наблюдается и при анализе размещения разных некрополей вблизи каждого городища. Учитывая, что большинство джетыасарских городищ было обитаемо на протяжении тысячелетия и более (притом, что часть расположенных в их окрестностях протоков за этот период неоднократно заливалась и переставала существовать, а иные меняли русло), местонахождение хронологически различных могильников связано с определенными протоками и группами протоков. Но не только хронологически отличаются друг от друга джетыасарские некрополи, группирующиеся вокруг одного городища. Как упоминалось выше, данная территория была одним из важнейших перекрестков исторических миграционных путей, зоной постоянных культурных, торговых и этнических контактов. Наглядным подтверждением вышесказанному являются и факты расположения одновременных, но разноэтнических курганов, групп курганов и даже целых некрополей на противоположных берегах одного протока или же на одном берегу³.

Хотя около 85% погребений подверглось ограблению вскоре после захоронения, в погребальном инвентаре курганных погребений сохранилось много любопытных и ценных находок. Среди последних особый интерес представляет такая категория находок, как геммы⁴. В трех соседних могильниках к юго-юго-западу от городища Джетыасар-3 (Алтын-асар) в 1986 и 1988—1989 годах найдено 16 халцедоновых и сердоликовых гемм, две халцедоновые геммы найдены в 1984 г. в кургане 25 могильника Джетыасар 12 к северо-востоку от городища Джетыасар-12 (Томпакасар), две геммы были обнаружены на городищах Джетыасар-2 (Бедаик-асар) в 1976 г. и Джетыасар-12 в 1981 г. Всего к настоящему времени на территории трех соседних джетыасарских городищ и их могильников найдено 20 гемм.

Вероятно, наиболее ранней является гемма № 1 (рис. 1, 1; 2, 1), вырезанная на овальном щитке из красно-коричневого альмандина, выпуклом с наружной и вогнутом с внутренней стороны. Нижняя часть щитка (около трети) отломана, это вставка в перстень, размеры сохранившегося фрагмента 12 × 10 мм, толщина пластины 2,7 мм. Изображен бюст бородатого мужчины, обращенный вправо (на оттиске)⁵, в диадеме, волосы переданы мелкими вертикальными штрихами на макушке и тремя длинными прядями на затылке. По аналогии с одной из гемм из собрания Национальной библиотеки в Париже, имеющей парфянскую надпись⁶, данная гемма может быть датирована не позднее III в. н. э. К парфянскому времени (но не позднее первой половины III в.) считал возможным относить ее и В. Г. Луконин, указывая на сходство манеры изображения со схематизированными портретами на поздних аршакидских монетах.

Гемма была найдена на верхней центральной площадке городища Джетыасар-2 в предпоследнем строительном горизонте раскопа I. Это городище принадлежит к группе из семи крепостей, погибших, вероятно,

³ Левина Л. М. Памятники джетыасарской культуры в свете этнической истории Средней Азии // Проблемы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии и Казахстана. Тезисы докл. Всесоюз. конф. М., 1988. С. 76—78.

⁴ Она же. Исследования в Восточном Приаралье // АО. 1984. М., 1986; она же. Исследования в Северо-Восточном Приаралье // АО. 1986. М., 1988. С. 485—486.

⁵ Поскольку все найденные резные камни являются печатями-инталиями, здесь и далее даются описание и ориентация изображений по оттискам этих печатей.

⁶ Gignoux Ph. Catalogue des sceaux, camées et bulles sassanides de la Bibliothèque Nationale et du Musée de Louvre. II. Les sceaux et bulles inscrites. P., 1978. Pl. 24, 8.6. Ср. также: Horn P., Steindorf G. Sasanidische Siegelsteine. Kgl. Museum zu Berlin. В., 1891. Taf. 1. № 996.

Рис. 1. Иранские резные камни. Фото. 1 — гравированное изображение на альмадиновой вставке перстня; 2 — изображение на щитке сердоликового перстня; 3—9 — изображения на халцедоновых «ложных перстнях»

в IV в. одновременно с прекращением стока вод в русло, по берегам которого они расположены. При этом городище Джетыасар-2, находившееся на боковом протоке этого русла, должно было прекратить свое существование раньше остальных городищ данной группы, так как проток заилился раньше, чем перестала течь вода по основному руслу. Жители же

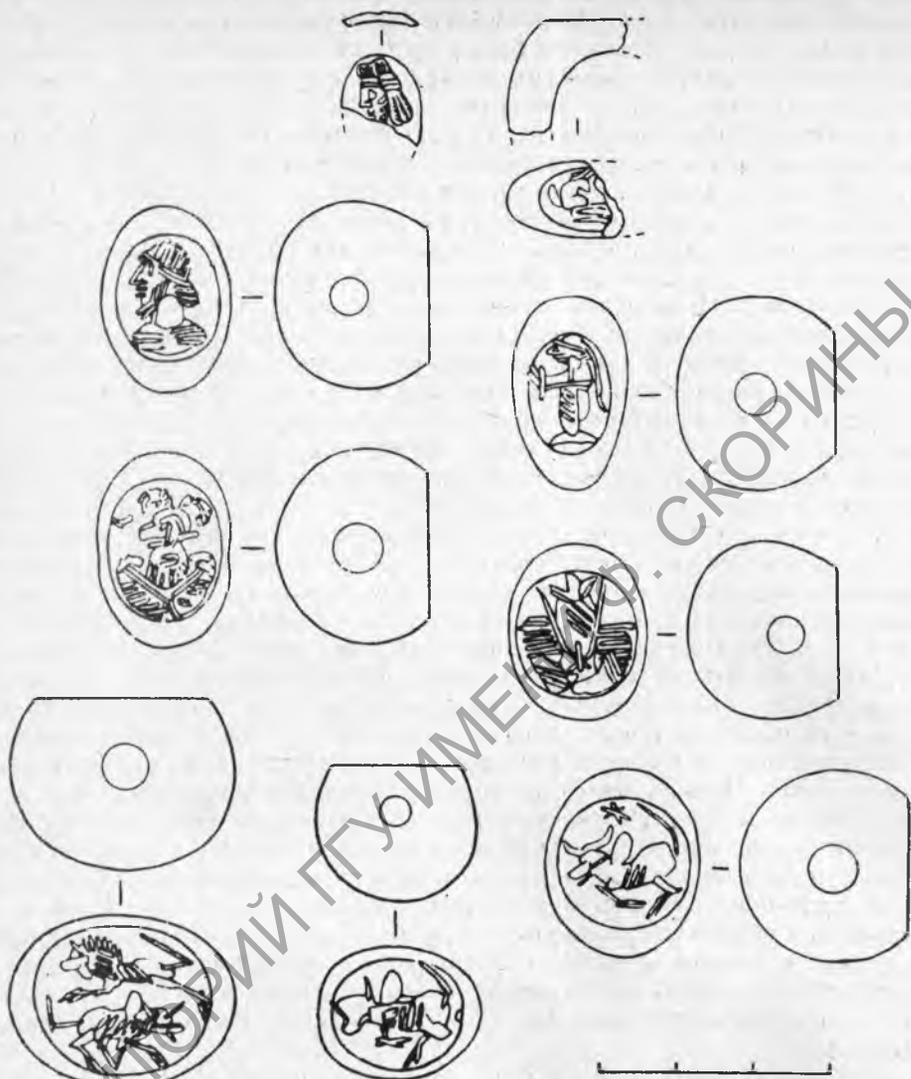

Рис. 2. Прорисовки

этого городища, очевидно, вынуждены были перебраться на одно из соседних шести городищ (как говорилось выше, в свою очередь погибших приблизительно в IV в., возможно, частично на рубеже IV—V вв.). Таким образом слой, в котором была найдена гемма, вряд ли можно датировать временем позднее III в. н. э.

Гемма № 2 (рис. 1, 2; 2, 2) на обломке перстня из оранжевого сердолика. Сохранилась часть изображения лежащего животного вправо. Видны слегка загнутые вверх длинные рога над спиной, задняя часть туловища и короткий хвост; размеры сохранившегося фрагмента: длина 20 мм, ширина 9,5 мм, щиток овальный. Изображения лежащих животных (газелей, антилоп) нередки в сасанидской глиптике⁷, хотя по сохранивше-

⁷ Bivar A. D. H. Catalogue of the Western Asiatic Seals in the British Museum. Stamp Seals. II. The Sasanian Dynasty. L., 1969. Pl. 19. № FH, 7, 9, 10.

муся фрагменту трудно судить о степени близости возможных аналогий. Каменные перстни известны по многим коллекциям сасанидских резных камней, но эта форма была не столь распространенной, как так называемые «ложные перстни». Гемма была найдена на второй нижней площадке городища Джетыасар-12, на поверхности раскопа VII. Хотя само городище перестало функционировать в IV в. (возможно, на рубеже IV—V вв.), местоположение и характер находки не исключают датировку этой геммы более поздним временем, после гибели городища.

Остальные 18 гемм происходят из погребальных комплексов курганных некрополей, расположенных в окрестностях городищ Джетыасар-12 (Томпакасар) и Джетыасар-3 (Алтынасар). Все они — «ложные перстни» из сердолика или халцедона (одна — из горного хрусталя) с различными изображениями, главным образом животных, выполненными в одной стилистической манере — так называемой «штриховой» или «эскизной»⁸.

Наиболее распространенным для ранних этапов джетыасарских подкурганных захоронений было грунтовое погребение в яме с небольшой нишкой в стене для сосудов с заупокойной пищей слева от погребенного. Такой тип грунтовых захоронений в джетыасарской культуре существовал по крайней мере с IV в. до н. э. и по IV—V вв. н. э. (изредка отмечался и для V—VI вв.). Одновременно с ним бытовал и тип простой грунтовой ямы, но в несравненно меньшем числе⁹. Могильные ямы с подбоями зафиксированы в джетыасарских некрополях с конца IV и в V в., но особое распространение они получили с конца V и в VI—VII вв. н. э. (возможно, и в VIII в.), практически вытеснив первый тип грунтовых погребений.

Девять из четырнадцати гемм, найденных в подкурганных грунтовых захоронениях, были обнаружены в могильных ямах с нишками для сосудов с заупокойной пищей, одна — в простой грунтовой яме и четыре — в яме с подбоем. В последнем случае — в наиболее ранних захоронениях данного типа. Четыре геммы обнаружены в подземных кирпичных склепах, которые по планировке, способу перекрытия камеры и ее интерьеру делятся на два типа. Первый тип — глубокие подземные камеры со сводчатыми перекрытиями, с Г-образной или простой одинарной суфой — отмечен в урочище в период от последних веков до н. э. до IV—V вв. н. э. Второй тип подземных склепов — гораздо менее глубоких, с перекрытием в виде «ложного купола», с П-образными или сплошными суфами и с центральным открытым вотивным очагом — также предварительно может быть датирован в пределах IV—VII вв. н. э. (возможно, и началом VIII в.).

В склепе первого типа (курган № 73 могильника Алтынасар-4«б»), разграбленном в древности, были найдены две геммы из одинакового светло-серого халцедона с темными прожилками. На одной из них (№ 3, рис. 3, 6; 4, 6) изображено фантастическое существо с человеческой головой, но с туловищем животного, копытами и коротким торчащим хвостом. Несколькими короткими штрихами на туловище переданы, вероятно, крылья. Возможно, это один из вариантов часто встречающихся на сасанидских геммах изображений Гопатшаха или Сфинкса (ложный перстень размером 21 × 13,5 мм, высота — 16,8 мм, овальный щиток 14,3 × 12 мм).

⁸ Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Л., 1963. С. 23.

⁹ Чаще всего такие простые грунтовые ямы отмечены для вторых и третьих могил в одном кургане при наличии центрального погребения с нишкой. В простых ямах обычно были детские и юношеские захоронения, иногда — «чужие», с нехарактерным для джетыасарской культуры инвентарем.

Рис. 3. Иранские резные камни. Фото. 1—10 — изображения на «ложных перстнях» из халцедона и сердолика

На второй гемме (№ 4, рис. 3, 5; 4, 5) изображен лев в прыжке, с раскрытой пастью и поднятым вверх хвостом (ложный перстень, 21,5 × 15,5 мм, высота 16,5 мм, овальный щиток 16,5 × 14,3 мм). Известны очень близкие аналогии этому изображению на геммах из собраний Бри-

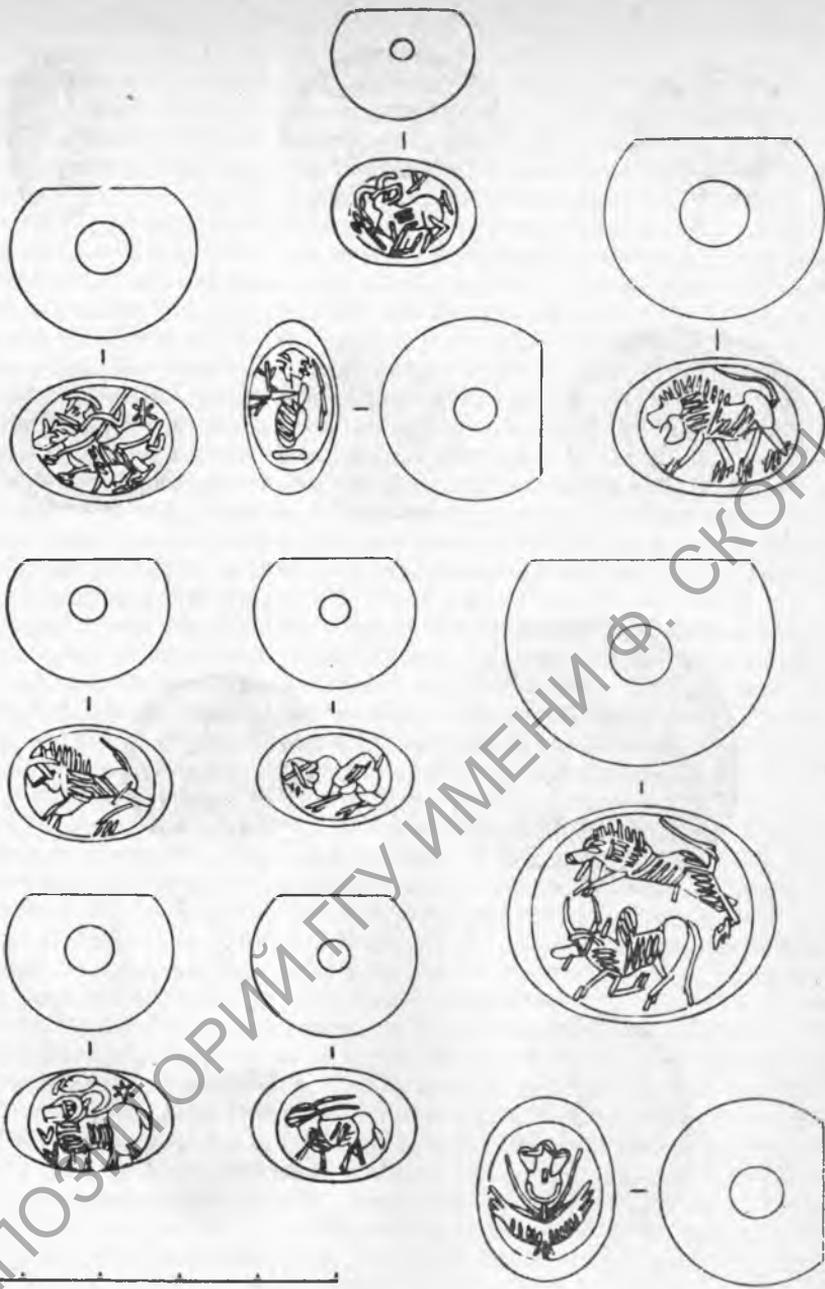

Рис. 4. Прорисовки

танского Музея и Эрмитажа ¹⁰. По комплексу археологических находок склеп кургана № 73 может быть датирован IV—V вв. н. э. (возможно, концом IV — началом V в.).

¹⁰ *Bivar. Op. cit. Pl. 10. № DD—3, 6; Борисов, Луконин. Ук. соч. С. 125. № 321.*

В склепах второго типа найдены две геммы. Одна из них (№ 5, рис. 2, 5) находилась в склепе «а» кургана № 17 того же могильника. Это сердолик темно-вишневого цвета, на вытнутом овальном щитке — профильное изображение стоящей женской фигуры с длинной косой за спиной и с цветком (или другим растением) в руке (ложный перстень, 24×12 мм, высота 20,5 мм, овальный щиток $17,5 \times 11$ мм) (рис. 3, 3; 4, 3). Аналогичные изображения, в том числе и близкие по стилю, часто встречаются на сасанидских печатях¹¹. Погребальный инвентарь склепа (керамика, украшения, импортные наременные бляшки) позволяет датировать захоронение V—VI вв. н. э. (вероятнее всего, рубежом V—VI вв.).

Очевидно, тем же или несколько более поздним временем (началом VI в.) можно датировать склеп в кургане № 302 соседнего могильника (Алтынасар-4«с»), где найдена гемма из халцедона темно-желтого цвета с изображением обращенной вправо головы барана над двумя распахнутыми крыльями (рис. 1, 5; 2, 5). Справа от головы — полумесяц (ложный перстень, $25,7 \times 17,7$ мм, высота 20 мм, овальный щиток $19,3 \times 16$ мм). Это также достаточно распространенный в сасанидской гилитике сюжет — в качестве аналогий можно привести несколько гемм из Британского Музея и Эрмитажа, правда, отличающихся по стилю изображениями¹².

Оба склепа содержали, очевидно, коллективные (семейные?) захоронения — в каждом из них по четыре-пять погребений (мужских, женских и детских), иногда эти погребения были разновременными. Погребальный инвентарь и сами костяки пострадали при ограблении, поэтому невозможно определить, кому из погребенных принадлежали найденные геммы.

Остальные 14 гемм происходят из грунтовых захоронений. В том же могильнике, которому принадлежат склепы № 17 и 73, в кургане № 34 в грунтовой яме с боковой нишкой содержавшей мужское захоронение, разграбленное в древности, найдена гемма (№ 7, рис. 3, 2; 4, 2) из слоистого прозрачного сердолика светло-розового цвета с белыми прожилками. На ней изображение скачущего вправо всадника в шлеме, с копьем в руке. Над крупом коня слева — шестилучевая звезда (ложный перстень 24×16 мм, высота 20 мм, овальный щиток 18×15 мм). Идентичную по сюжету и манере изображения гемму Н. Дибвойз относил к парфянскому времени¹³. По частично сохранившемуся погребальному инвентарю (поясные пряжки, бляшки, наконечники, обломки оружия) курган № 34 можно датировать рубежом V—VI вв. или началом VI в.

В кургане № 88 в грунтовой яме с боковой нишкой, содержавшей захоронение юноши-подростка, также разграбленное в древности, найден «ложный перстень» из халцедона молочно-белого цвета без изображения — заготовка для печати (№ 8). Сохранившаяся часть погребального инвентаря (керамика, обломки меча, золотая накладка на рукоять) позволяет датировать погребение IV — началом V в. и свидетельствует об особом положении захороненного подростка в обществе.

В кургане № 283 соседнего могильника (Алтынасар-4«с») в грунтовой яме с боковой нишкой найдены две геммы из халцедона молочно-белого цвета с темными прожилками. Они находились слева у пояса погребенной женщины в одной связке с крупной янтарной бусиной.

¹¹ Horn, Steindorf. Op. cit. Taf. II. № 1094; Debevoise N. C. Parthian 'Seals' // A Survey of Persian Art. V. 1. L.—N. Y., 1938. P. 473. Fig. 126 aa; Bivar. Op. cit. Pl. 7. № 66, 10; Борисов, Луконин. Ук. соч. С. 106. № 182.

¹² Bivar. Op. cit. Pl. 17, ER 1—7; Pl. 18, FG 7; Борисов, Луконин. Ук. соч. С. 135. № 394.

¹³ Debevoise. Op. cit. P. 473. Fig. 126 bb.

На одной из них изображен бюст бородатого мужчины с головой, повернутой вправо (№ 9, рис. 1, 3; 2, 3) — ложный перстень, 25 × 17,7 мм, высота 20,5 мм, щиток овальный, 17 × 14 мм)¹⁴. На другой гемме (№ 10, рис. 1, 4; 2, 4) — профильное изображение стоящей женской фигуры вправо с длинной косой за спиной и с цветком (или другим растением) в руке (ложный перстень 26 × 15 мм, высота 21,3 мм, овальный щиток 16 × 11 мм). Эта гемма аналогична сердоликовой гемме из кургана № 17 (№ 5, рис. 1, 4), отличаются лишь мелкие детали изображения. Судя по некоторым предметам, входившим в погребальный инвентарь (керамика, украшения), курган может быть датирован IV в. н. э.

В том же могильнике в кургане № 321, в одном из двух одновременных захоронений (также в грунтовой яме с боковой нишкой) находились две геммы из молочно-белого халцедона. Они располагались у пояса погребенной женщины слева, на одной нитке с желто-коричневой уплотненной янтарной пуговицей. На одной из гемм (№ 11, рис. 1, 7; 2, 7) изображена «сцена охоты»: лев, нападающий на быка-зебу. Сверху — лев в прыжке вправо (ложный перстень 30 × 23 мм, высота 23 мм, овальный щиток 23,5 × 20 мм). Сюжет весьма распространенный в сасанидской глиптике, причем значительная часть резных камней с подобным сюжетом принадлежит к числу гемм «штрихового» стиля, близких найденным в джетынасарских могильниках¹⁵.

На второй гемме (№ 12, рис. 1, 6; 2, 6) помещено изображение цветка на стебле (ложный перстень, 23 × 18 мм, высота 19,5 мм, овальный щиток 17 × 16 мм)¹⁶. Сопровождавший погребение инвентарь, характерный для периода Джетынасар-1 (верхняя граница — III—IV вв.), — сосуды, бронзовые зеркала сарматского типа и китайские, ханьского времени, разнообразные украшения, оружие — не позволяет датировать курган № 321 временем позднее IV в. н. э.

В соседнем кургане № 326, также в одном из двух одновременных погребений того же типа, что и в курганах № 283 и 321, почти полностью разграбленном в древности, найдена гемма из молочно-белого халцедона (№ 13, рис. 1, 8; 2, 8) с изображением бегущего зебу с поднятым хвостом (ложный перстень, 21 × 17 мм, высота 18,5 мм, овальный щиток 18 × 15 мм)¹⁷. Судя по остаткам погребального инвентаря, данный курган также может быть датирован IV в. (возможно, рубежом IV—V вв.).

В могильнике к северо-востоку от городища Джетынасар-12 (Томпак-асар) в кургане № 25 в одном из двух одновременных захоронений, произведенных в грунтовых ямах с боковыми нишками, в погребении взрослого мужчины среди обрывков камышовой циновки, на которую был положен захороненный, на одной низке с двумя крупными янтарными бусинками находились две геммы из молочно-белого халцедона. Погребение было ограблено в древности, но, очевидно, грабители не заметили эту низку, находившуюся слева от позвоночника в районе пояса вместе с остатками какого-то коррозированного предмета (ножа или кинжала?).

¹⁴ Ср.: *Debevoise*. Op. cit. P. 473. Fig. 126 z; *Bivar*. Op. cit. Pl. 4, AG. 3; *Борисов, Луконин*. Ук. соч. С. 87, № 74. С. 90, № 93.

¹⁵ *Ackerman Ph. Sasanian Seals // A Survey of Persian Art. V. I. Pl. 256, q; Bivar*. Op. cit. Pl. 11, DJ-3; *Борисов, Луконин*. Ук. соч. С. 184, № 740, 744; *Gignoux Ph., Gyselen R. Bulles et sceaux sassanides de diverses collections // St. Ir. 4. P., 1987. Pl. XX, 33.4.*

¹⁶ Ближкие, но не идентичные сасанидские геммы: *Bivar*. Op. cit. Pl. 25, LB 1—13.

¹⁷ *Bivar*. Op. cit. Pl. 16, EO 2; *Brunner Ch. Sasanian stamp Seals in the Metropolitan Museum of Arts. N. Y., 1978. P. 80. № 91; Борисов, Луконин*. Ук. соч. № 452, 455, 458, 465, 466.

На одной из гемм (№ 15, рис. 3, 7; 4, 7) изображена та же сцена нападения льва на зебу, что и на гемме из кургана № 321 могильника Алтынасар-4«о», с той лишь разницей, что на гемме из кургана № 25 оба зверя обращены вправо: лев в прыжке, с раскрытой пастью, под ним — зебу с подогнутыми ногами. Сама гемма также значительно крупнее (ложный перстень, $33,5 \times 28,8$ мм, высота 27,3 мм, овальный щиток $28 \times 26,5$ мм)¹⁸. На второй гемме (№ 16, рис. 3, 9; 4, 9) — изображение цветка на стебле с двумя поднимающимися вверх листьями (ложный перстень, $25,5 \times 17$ мм, высота 22 мм, овальный щиток $18,7 \times 15,2$ мм)¹⁹.

Местоположение кургана — в валу русла канала, в свою очередь пересекавшего русло реки, на котором базировалось городище Томпакасар, — говорит о том, что он должен относиться ко времени, когда городище уже перестало существовать и могло быть обитаемо лишь в очень небольшой северной своей части. Керамические сосуды из погребального инвентаря кургана № 25 могут быть отнесены к переходному периоду от этапа Джетыасар-I к этапу Джетыасар-II. Это позволяет датировать курган временем не ранее конца IV в., более вероятно — V в. н. э.

В могильнике Алтынасар-4«в» на противоположном от курганов № 17, 34 и 73 берегу при раскопках в 1986 г. были найдены еще две геммы. Одна из них происходит из женского погребения в простой могильной яме, в кургане № 125. Захоронение разграблено в древности. Гемма из молочно-белого халцедона (№ 17, рис. 3, 10; 4, 10) с изображением идущего вправо животного с длинными, слегка изогнутыми рогами, вероятно, антилопы (ложный перстень, $21 \times 15,5$ мм, высота 18,3 мм, овальный щиток $15,5 \times 13$ мм)²⁰. Остатки погребального инвентаря позволяют датировать курган в пределах III — начала V в.

Вероятно, чуть более поздним временем (конец IV — V в. н. э.) можно датировать курган № 117 с двумя подкурганными погребениями, совершенными в грунтовых ямах с подбоями под одной из продольных стенок ямы. В отличие от абсолютного большинства захоронений этого типа в джетыасарских могильниках здесь мы имеем подбой под восточной, а не под западной стеной ямы, что может говорить о еще неустоявшемся типе. Входящая в погребальный инвентарь керамика относится к переходному периоду от этапа Джетыасар-I к этапу II и соответствует вышеуказанному времени. В кургане № 117 в погребении 2 в неразграбленном захоронении молодой девушки-подростка также слева от поясничных позвонков вместе с двумя крупными янтарными бусинами лежала гемма из молочно-белого халцедона (№ 18, рис. 3, 8; 4, 8) с изображением стоящего барана с большими изогнутыми рогами и короткими ногами. Справа перед бараном — растение, слева сверху — шестилучевая звезда (ложный перстень, $21,3 \times 16,7$ мм, высота 17,5 мм, овальный щиток $16 \times 14,5$ мм)²¹.

¹⁸ Наиболее близкие аналоги — *Horn, Steindorf*. Op. cit. Taf. 11. № 1344; *Борисов, Луконин*. Ук. соч. С. 184, № 742, 743.

¹⁹ *Борисов, Луконин*. Ук. соч. С. 166. № 616; оттиск печати с изображением такого же цветка, только не на овальном, а на круглом щитке имеется на одной из глиняных булл, найденных при раскопках городища Тахт-и Сулейман (Иранский Азербайджан); *Göbl R. Die Tonbullen vom Tacht-e Suleiman*. В., 1976. Taf. 43. № 545. S. 36, 139.

²⁰ Близкие по стилю, но не идентичные изображения антилоп на сасанидских печатях: *Bivar*. Op. cit. Pl. 19. FE 7—10; *Brunner*. Op. cit. P. 101. № 28.

²¹ Ср. изображение двух баранов на гемме из Британского Музея, выполненное в той же манере: *Bivar*. Op. cit. Pl. 17, ES 5.

В 1989 г. были продолжены работы по изучению могильника Алтын-асар-4«о», где в курганах № 283, 321, 326 с грунтовыми ямами и в склепе № 302 были найдены описанные выше геммы. В более позднее время могильник был перекрыт курганами с захоронениями в подбоях, содержащими инвентарь, датируемый в пределах IV—VII вв. н. э. В одном из таких курганов в женском погребении слева от поясничных позвонков находились вместе с двумя янтарными бусинами две геммы из белого халцедона. Одна (№ 19, рис. 3, 4; 4, 4) — с изображением идущего льва²² (ложный перстень, 27 × 17 мм, высота 18 мм, овальный щиток 20 × 15 мм), вторая — бегущего зебу с шестилучевой звездой над ним (ложный перстень, 24 × 20 мм, высота 21,5 мм, круглый щиток 18,5 мм — № 20, рис. 1, 9; 2, 9). Погребение может быть датировано концом IV—V в. н. э.

В том же могильнике в кургане № 425 в частично разграбленном захоронении того же типа между верхними частями бедренных костей погребенной найдена небольшая гемма из прозрачного горного хрусталя (№ 14, рис. 3, 1; 4, 1) с изображением бегущего барана с обращенной назад головой (ложный перстень, 18 × 14 мм, высота 14,5 мм, овальный щиток 14 × 11,5 мм)²³. Погребальный инвентарь позволяет датировать курган в пределах IV—V вв.

Материалы джетысарских могильников показывают, что геммы могли входить в состав инвентаря как мужских, так и женских погребений, но, безусловно, более половины из них найдено в женских захоронениях. Носили их, очевидно, на поясе слева, в связке с одной-двумя крупными янтарными бусинами (пуговицами), близкими к ним по форме. Весьма вероятно, что в большинстве случаев старались сочетать две геммы, прикрепляя их к поясу с той же стороны, что и оружие. Они могли служить знаком привилегированного положения их владельца, но неизвестно, использовали ли их по прямому назначению, как печати.

Что касается датировки, то абсолютное большинство их было в курганах IV и V вв. н. э. Однако в трех случаях можно говорить и о начале VI в., но при этом надо учитывать, что в двух из трех курганов речь идет о подземных склепах с их неодновременными захоронениями, к тому же разграбленными в древности, когда невозможно определить, кому из погребенных принадлежали геммы. Лишь в одном случае, в кургане № 34, безусловна синхронность всего погребального инвентаря. Но в данном случае естественно было бы предположить и длительность бытования таких произведений искусства, как гемма из этого кургана.

Иранское происхождение всех найденных в погребениях гемм сомнений не вызывает. Почти все они имеют близкие аналогии среди сасанидских печатей из музейных собраний, некоторые изображения почти полностью идентичны уже известным и по стилю, и по сюжету. Каким образом они попали к носителям джетысарской культуры, обитавшим в Восточном Приаралье, — в результате торговых контактов или как военная добыча — можно только догадываться.

Все резные камни из погребений принадлежат к одной группе так называемых «ложных перстней» с изображениями, выполненными в «штриховой» или «эскизной» манере. Не исключено, что это продукция одной камнерезной мастерской, во всяком случае, они отражают одну профессиональную традицию. Сам термин «штриховые печати» до сих пор условно применялся по отношению к нескольким группам сасанидских резных

²² Ibid. Pl. 10, DD 3; *Борисов, Луконин*. Ук. соч. С. 125. № 320.

²³ Ср.: *Bivar*. Op. cit. Pl. 15, EQ 5, 7 — но головы животных направлены вперед.

камней, в действительности разновременным и принадлежащим к разным камнерезным «школам». Правда, их объединяет набор сюжетов, которые, очевидно, оставались традиционными для иранской глиптики в течение нескольких столетий.

Более детальный анализ изображений и техники позволяет отнести большинство известных штриховых печатей к нескольким группам. Наиболее ранние из них, к которым относятся и геммы из джетысарских могильников, это, как правило, крупные «ложные перстни», гораздо реже — просто перстни, изготовленные в основном из халцедона или сердолика. Все печати этой группы анепиграфы. Изображения переданы схематично, энергичными штрихами, контуры изображений обычно не очень четко очерчены. Датировать эту группу можно теперь в пределах IV—V вв., не исключено даже, что изготовление подобных печатей началось в III в. Все известные в настоящее время сасанидские резные камни III—IV вв., датировка которых не вызывает сомнений, — это тщательно выполненные портретные печати царей, принцев или чиновников высокого ранга, как правило, имеющие надписи, содержащие имена и титулы владельцев, что собственно, и дает основание для твердой их датировки²⁴. Ранние геммы штрихового стиля могли в то же самое время использоваться как печати частных лиц. Производство их, судя по большому количеству похожих, если не идентичных, изображений на резных камнях этой группы, известных по музейным коллекциям, носило массовый характер. За пределы определенного круга сюжетов (главным образом изображений различных животных) сасанидские резчики того времени выходили довольно редко.

Более поздние «штриховые печати» VI—VII вв. по стилю и технике, а также по форме и размерам самого камня отличаются от ранних — изображения на них более рельефны, имеют четкий контур, концы штрихов обычно округленные. Кроме «ложных перстней» встречаются плоские пластины, выпуклые с одной стороны (где помещалось изображение), — вставки в перстни. Эти печати обычно в полтора-два раза меньше по размерам, чем ранние. Изображения на них часто сопровождаются пехлевийскими надписями, содержащими имя владельца или благожелательную формулу, тогда как ранние штриховые печати анепиграфы. Данная здесь характеристика штриховых гемм VI—VII вв. суммарна — они не отличаются тем единством стиля и техники, которое присуще всем ранним штриховым печатям, аналогичным джетысарским находкам. Можно только надеяться, что со временем удастся выделить среди них продукцию нескольких камнерезных мастерских и более точно датировать отдельные группы.

Очевидна преемственность между выделенной здесь ранней группой штриховых печатей и более поздними сасанидскими резными камнями — последние повторяют весь набор сюжетов, характерных для раннего периода. В качестве примера можно привести геммы штрихового стиля из Байрамалинского некрополя VI—VII вв.²⁵

Одним из наиболее важных аргументов в пользу относительно ранней датировки (не позднее V в.) той группы штриховых печатей, к которым принадлежат и найденные в джетысарских могильниках, можно считать почти полное отсутствие оттисков подобных печатей на сасанидских глиняных буллах, происходящих из хорошо датированных археологических

²⁴ Луконик В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Л., 1961. С. 39.

²⁵ Ершов С. А. Некоторые итоги археологического изучения некрополя с оссуарийными захоронениями в районе города Байрам-Али // Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТуркмССР. Т. V. Ашхабад, 1959. С. 178. Табл. 23.

комплексов VI—VII вв.: из раскопок замка Каср-и Абу Наср в Южном Иране (оттиски более 4000 различных печатей)²⁶, городища Тахт-и Сулейман в Иранском Азербайджане (оттиски более 800 печатей)²⁷, замка Ак-депе у Артыка в Южном Туркменистане (оттиски нескольких десятков печатей)²⁸. Все представленные на этих буллах «штриховые» оттиски сделаны печатями более поздних групп. Только один оттиск на булле с городища Тахт-и Сулейман (№ 545) имеет изображение цветка, близкое к помещенному на гемме № 16,— вероятно, использована была более древняя, случайно сохранившаяся гемма — исключение, которое подтверждает правило. Срок жизни печати, изготовленной из твердых пород камня, практически неограничен, и должно было пройти немало времени, прежде чем все ранние штриховые геммы вышли из употребления (потерялись или просто вышли из моды), а судя по оттискам на буллах, на рубеже VI—VII вв. ими уже не пользовались.

Можно утверждать, таким образом, что геммы из джетыасарских могильников датируются в пределах IV—V вв., но не позднее, что подтверждается прочим погребальным инвентарем курганов.

Хронологическая шкала для различных сасанидских резных камней и само выделение их групп пока еще далеки от завершения, но поправка, внесенная в датировку одной из групп «штриховых» печатей, и выделение этой группы из прочих — еще одна отправная точка для разработки этой шкалы.

²⁶ Frye R. N. Sasanian Remains from Qasr-i Abu Nasr. Seals, Sealings and Coins. Camb. Mass., 1973.

²⁷ Göbl. Die Tonbullen ...

²⁸ Губаев А. Сасанидские буллы из замка Ак-депе // ЭВ. Вып. XX. Л., 1971. С. 46; Луконин В. Г. По поводу булл из Ак-депе // Там же. С. 50.

ABOUT ONE GROUP OF IRANIAN GEMS FOUND EAST OF THE ARAL LAKE

L. M. Levina, A. B. Nikitin

Numerous settlements and burial fields of the Djetiasar culture have been discovered and excavated to the east of the Aral lake by the Choresmian expedition of the Institute of ethnography. Among the finds recovered from burials of the fourth and fifth centuries there were eighteen Sasanian gems cut in chalcedony, cornelian and rock crystal and representing human beings, animals and flowers, all of them fashioned in the same «stressed» manner. These finds and the absence of impressions of similar seals on Sasanian clay bullae of the sixth-seventh centuries makes it possible to date this particular group of «stressed» gems to the fourth-fifth centuries A. D.

Two more gems, fragmentary preserved, come from the sites of Djetiasar 2 and Djetiasar 12. These cannot be dated later than the third century A. D.